

Фотограф Быков с командой авантюристов-путешественников в который раз решает на нечто безумное. Они отправились в кругосветное плавание на реставрированном испанском корабле, чтобы пройти тот самый путь, который преодолел мореплаватель Магеллан. Во время шторма в Индийском океане их вынесло на забытый Богом остров в Бенгальском заливе. Ходят слухи, что здесь уже много тысяч лет живет племя отшельников. Аборигены враждебны и готовы убить каждого чужака, посмевшего ступить на остров. У Быкова и команды плохие перспективы... Но, даже если им удастся выжить, остров не отпустит тех, кто посмел прикоснуться к его древней и пугающей тайне.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-8332-9

9 786171 283329

МИХАИЛ ШТОРМ ПОТОМКИ МАГЕЛЛАНА

МИХАИЛ ШТОРМ

ПОТОМКИ МАГЕЛЛАНА

НАПЕРЕГОНКИ СО СМЕРТЬЮ

МИХАИЛ ШТОРМ

МИХАИЛ ШТОРМ

ПОТОМКИ МАГЕЛЛАНА

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2021 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
Ш92

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

ISBN 978-617-12-8332-9

- © Майдуков С. Г., 2020
- © Depositphotos.com / fergregory, piolka, ChepeNicolì, adrenalina, обложка, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

ГЛАВА 1

ВСТРЕЧА

Юркий речной трамвайчик коснулся причала. Яркие потоки пассажиров схлынули на пристань, уже не оглядываясь на бухту Виктории, запруженную катерами, лодками и океанскими лайнерами,двигающимися во всех направлениях.

— Вот и Сянган, — сказала Анна.

— Почему Сянган? — удивилась Лидия.

— Так назывался Гонконг до того, как англичане отобрали его у Китая, — пояснила Анна. — Что означает в переводе «Бухта ароматов».

— Так ведь это остров же, а не бухта, — возразила Лидия.

Они были сестрами, всегда и везде путешествовали вместе, всегда и везде спорили и пререкались. По любому поводу, даже совсем без повода. Что не мешало им любить друг друга.

— Не придирайся к словам, — одернула сестру Анна. — Отличное название. Понюхай.

Лидия потянула носом воздух.

— Ароматные палочки, — определила она. — А еще гриль, бензин, парфюмерия и какие-то цветы.

— Вот видишь! На то она и Бухта ароматов.

— И куда мы направимся?

Сестры завертели головами, пытаясь сориентироваться среди скопления небоскребов, рекламных щитов и потоков машин. Анна сверилась с интернетом и решила:

— Едем на Натан-роуд. Там мы увидим все, что нужно знать о Гонконге.

— О Сянгане, — насмешливо поправила Лидия. — Сама говорила.

— Не придирайся! — повторила Анна, которой приходилось произносить эту фразу по многу раз на дню.

Она была высокой, худой, длинноногой, с длинным лицом и черными волосами, распущенными по плечам, как у индианки. В сравнении с ней светловолосая Лидия выглядела маленькой и пышненькой, как сдобная булочка. Никто никогда не принимал их за родных сестер, и это было в общем-то правильно. У них был один отец и разные матери. Отца девушки обожали, к матерям относились с прохладцей, поскольку те в свое время их обе бросили, связав судьбы с другими мужчинами. И впоследствии пожалели о своем опрометчивом решении, поскольку сеньор Маркес весьма и весьма преуспел. Для них, как и для прочих, он больше не был тем Антоном Марковым, который не вылезал из долгов, пытаясь самостоятельно заняться кораблестроением. Бывший инженер судостроительного завода давно осуществил свою мечту и был владельцем собственной верфи на западном побережье Испании. Причем не абы где, а близ городка Санлукар-де-Баррамеда, того самого, откуда в свое время отплывали в путешествия эскадры Магеллана и Колумба.

Кстати говоря, в самом скором будущем сестры собирались туда. Не просто навеститься в гости к отцу, а принять участие в его грандиозном проекте, который выводил их бизнес и вообще всю жизнь на совершенно новый уровень. В ожидании этого момента они путешествовали по миру. Возраст Анны близился к тридцатилетию. Лидия была младше на два года, но тоже успела окончить университет. Сестры работали в компании отца и всегда могли выполнять свои обязанности удаленно, то есть в любой точке земного шара в пределах доступности интернета. Анна была специалистом по пиару и связям с общественностью. Лидия выучилась на юриста. Девушки были очень энергичные, любознательные и образованные. Спорту и саморазвитию они уделяли времени куда больше, чем вечеринкам

и шопингу, а вместо того, чтобы млеть на шикарных пляжах с коктейлями в руках, предпочитали путешествовать по свету, набираясь впечатлений.

Эта страсть к перемене мест и привела сестер в Гонконг. В скором будущем им предстояло кругосветное плавание, так что обеим хотелось воспользоваться возможностью передвигаться по суше. Тем более что сегодня был канун Нового года, а девушки мечтали увидеть собственными глазами, как празднуют его китайцы.

Отвергнув услуги пожилого рикши с редкой бороденкой, они забрались в такси и перенеслись с набережной на пресловутую Натан-роуд, которую принято называть гонконгским Бродвеем.

— Совсем непохоже, — решила Лидия, осмотревшись. — Это больше напоминает Рипербан в Гамбурге. Помнишь?

— Конечно, помню, — подтвердила Анна, нервно усмехнувшись. — Удивительно, что тогда все закончилось благополучно.

— Мы везучие. Если даже из той переделки в Макао невредимыми выбрались...

— Ой, не напоминай! Давай лучше не будем.

Обмениваясь репликами, девушки шли по улице, наводненной потоками туристов. Гудели машины, играла музыка, мигали и переливались огни, блестели витрины, вились гирлянды, рвались с привязи охапки гелиевых шаров. Непонятно было, кто наряднее: гуляющие люди или разукрашенные здания. И совсем незаметными были те, кто обслуживал праздные толпы, переливающиеся по тротуарам из конца в конец. Никогда еще девушкам не доводилось наблюдать столь поразительной разницы между улыбающимися и озабоченными физиономиями.

— Ничего себе, — пробормотала Лидия, хватая сестру за руку и указывая на дорогу. — Ты видишь этот «роллс-ройс»? Он золотой, что ли?

— Что-то я слышала о таком, — кивнула Анна, проводив взглядом сверкающий автомобиль. — Есть в Гонконге один чудак, у которого ума ни на что другое не хватило.

— Он же тяжелый, наверное.

— Чудак?

— «Роллс», — пояснила Лидия.

— Нам-то какое дело? — пожала плечами Анна. — Через какой-нибудь год наш отец тоже разбогатеет по-настоящему, но ему никогда в голову не придет так бездарно тратить деньги.

— Да, папа не такой.

— Если он станет миллиардером, то заново построит «Титаник», он всегда так говорил.

— Помню, как же, — заулыбалась Лидия. — Молодец он все-таки. С этим Магеллановым кораблем здорово придумал.

— Здорово, — согласилась Анна.

Это был тот редкий случай, когда сестры сходились во мнении. К отцу и его проектам они относились с одинаковым пиететом.

Течение толпы увлекало их все дальше по Натан-роуд. От обилия магазинов, кафе, аптек и сувенирных лавочек рябило в глазах. В окнах были выставлены горшки и кадки с растениями. В основном это были мандариновые деревца, увешанные красными конвертиками.

— В них золотые монеты, — пояснила Анна с таким видом, будто сделала это открытие самостоятельно. — Деньги на удачу.

— Что-то много у них тут золота, — цокнула языком Лидия.

— Монеты обычные, — успокоила ее сестра. — Их заворачивают в фольгу или золоченую бумагу.

— Хм! Но ведь тогда и удача будет такой же фальшивой! Смешные люди!

Пройдя улицу и поблуждав по шумным кварталам, девушки остановились перед храмом Бога обезьян, с колоннами, обвитыми резными драконами.

— Для китайцев он все равно что наш Дед Мороз, — сказала начитанная Анна.

— Санта-Клаус, — возразила Лидия строптиво.

— Дед Клаус, — согласилась сестра, которой не хотелось спорить в этот праздничный день. — Или Санта-Мороз. Идет?

Они рассмеялись, переглянулись, прикрыли рты ладонями и юркнули в недра храма. Там все пестрело от обилия красок

и блестящих украшений. Сам бог был больше похож не на обезьяну, а на человека в золотой обезьяньей маске.

Перед ним столпилась целая куча народа, благоговейно внимающего бритоголовому монаху.

— Чем знаменит этот бог? — спросила Лидия.

— Точно не помню, — ответила Анна шепотом. — Я не вчитывалась.

— Он перевернул землю вверх тормашками, — сказал мужчина, услышавший их разговор. — За это был сослан в ад, но и там устроил черт знает что. Веселый парень. И бунтарь.

Сестры посмотрели на говорившего. Это был мужчина неопределенного возраста, которому, с равной долей вероятности, могло быть и сорок лет и пятьдесят. Взгляд его серых глаз лучился доброжелательностью. Он имел несколько округлое лицо и носил небольшие мушкетерские усы, отлично сочетавшиеся с его буйными черными кудрями и румяными щеками эпикурейца. На плече его был подвешен кофр, а на груди болтался явно недешевый фотоаппарат.

— В таком случае остальные боги должны были его не любить, — заметила Анна, придя к выводу, что незнакомец не представляет собой опасности и не принадлежит к числу навязчивых типов, от которых потом не отделаешься.

Интуиция говорила так, а она редко подводила сестер.

— Естественно, на небесах его невзлюбили, — согласился незнакомец. — Зато на земле обожают. Ему поклоняются те, кто стремится к бессмертию.

— Как можно верить в такую чепуху? — фыркнула Лидия.

— Бог обезьян верил, — улыбнулся собеседник. — Он пришел к выводу, что долголетие живого существа напрямую связано с движением.

— Чем больше двигаешься, тем дольше живешь? — усомнилась Анна. — А черепахи?

— Все дело в чередовании образа жизни, — охотно пояснил мужчина. — Бог обезьян становился то молнией, то черепахой, постоянно совершенствуя навыки принимать разные облики. И, главное, не скучал при этом. Это неунывающий, озорной, изобретательный бог. Мне он по душе.

— Так помолитесь ему, — ехидно предложила Лидия.

— Нет, девушка. Бессмертие мне ни к чему.

— Надоело жить? — недоверчиво осведомилась Анна.

— Я не попрошайка, — сказал на это незнакомец, улыбаясь мягкой своей улыбкой, от которой усы его задорно топорщились. — Что заслужу, то и дадут. И вообще, — он кивнул на изображение бога обезьян, — мне свой господь милее.

— Христианин?

— Был бы христианин, заповеди соблюдал бы. Куличей и яиц крашенных маловато для царствия небесного будет. Проще уж богу обезьян поклоняться.

— Вас как зовут? — неожиданно для себя спросила Лидия, которая еще какую-нибудь минуту назад не собиралась знакомиться с этим человеком.

Ей понравилась резкость его суждений. Конечно, он мог просто рисоваться, как это частенько случается с мужчинами, любящими распушить хвост. Это следовало проверить. Зачем? Кто его знает. Просто так хотелось, а Лидия была девушкой, часто поступавшей по наитию, а не по размышлению.

— Дмитрий, — представился новый знакомый. — Дмитрий Быков, фотограф. — Он ухмыльнулся. — Прошу любить и жаловать.

— Там видно будет, — охладила его Лидия.

А Анна высоко подняла брови:

— Дмитрий Быков? Погодите, погодите. Не ваши ли фотографии недавно публиковались в «Нэшнл Джеографик»?

— И давно и недавно, — подтвердил Быков, явно обрадовавшись, что его имя известно. — Я с этим журналом уже много лет сотрудничаю. И с другими.

— «Без лишней скромности произнес он», — процедила Лидия, то ли цитируя кого-то, то ли пародируя.

— Тсс! — Анна приложила палец к губам. — На нас оглядываются. Кажется, мы мешаем поклонникам бога обезьян.

Они вышли на оживленную улицу, где Быков напомнил девушкам, что они ему так до сих пор и не представились. Узнав, что они сестры, он удивился:

— Вы совершенно не похожи.

Ответ Лидии (наверняка саркастичный) заглушил бой барабанов, возвещавший появление гигантского дракона, торжественно втянувшегося на улицу под восторженные крики толпы. Понятное дело, это было не настоящее чудовище. Китайцы — известные мастера подобных представлений. Огромную голову дракона с вращающимися глазами и открытой пастью держал юноша, стоящий на плечах товарища. Остальные, вооруженные такими же шестами, семенили внутри длинного матерчатого «туловища».

Анна что-то прокричала, но из-за оглушительного шума Быков опять не расслышал. На всякий случай он улыбнулся, предполагая, что прозвучал какой-то шуточный комментарий.

Потом ему стало не до веселья.

Всем стало не до веселья.

ГЛАВА 2

ВОРОНКА

Быков прилетел в Гонконг накануне китайского Нового года, когда весь Дальний Восток вибрировал в предвкушении праздника. Замысловатые иероглифы, похожие на сушеных каракатиц, возвещали о фантастических распродажах. Людское море носило Быкова по улицам Гонконга — вверх и вниз, по суше и по морю. Из континентальной части города он попал на остров в толпе крикливой китайской молодежи, буквально занесшей его на небольшой паром.

По пути они едва не столкнулись с переполненным плавающим рестораном, но пассажиры обоих суденышек не испугались и не рассердились, а приветствовали друг друга радостными криками и пытались дотянуться друг до друга, пока борта проплывали на расстоянии вытянутой руки.

Быков смотрел на них и думал, а нет ли в этой ликующей толпе какого-нибудь всеядного умника, питающегося летучими мышами или еще какой-нибудь экзотической гадостью. После недавней эпидемии, пронесшейся по планете, хотелось думать, что люди наконец поумнели. Хотя в это напрасно верили на протяжении многих тысячелетий. Проблема состояла в том, что пока одни быстро переносились из столетия в столетие и находились нынче, допустим, в двадцать первом и даже двадцать втором веке, другие безбожно отставали, пребывая в средневековье, а то и в более глубокой древности.

На протяжении карантина Быков почти безвылазно сидел в своей трехкомнатной квартире. Поначалу он был в восторге от возможности глотать книгу за книгой, смотреть хорошие сериалы и зависать на домашних тренажерах, слушая при этом всевозможных аналитиков и политических гуру. У него имелся солидный запасец настоящего шотландского виски, горы зелени, овощей и фруктов, он с удовольствием готовил новые блюда по рецептам, выложенным в интернет.

Потом одиночество и однообразие начали помаленьку напирать. Так и подмывало выйти на улицу и демонстративно прогуляться без маски, чтобы не чувствовать себя тараканом, загнанным в щель. Раздражала не столько необходимость сидеть дома, сколько масса суетливых и бессмысленных мер, предпринимаемых правительствами. Поначалу все они растерялись, как дети, напуганные страшной сказкой, а потом сориентировались и принялись использовать ситуацию в своих эгоистических интересах. Одни закрывали границы, отсекая потоки эмигрантов, другие выясняли экономические отношения с конкурентами, третьи под шумок лишали своих граждан последних свобод.

Но теперь все было позади и настало время наверстывать упущенное. Все плохое (как и хорошее) непременно кончается... чтобы начаться снова. Необходимо спешить ловить волну и нестись на гребне, чтобы пореже попадать в провалы. Таков был жизненный принцип Быкова, и он следовал ему, когда только было возможно.

Он отправился не куда-нибудь, а в Китай по двум причинам. Во-первых, из чувства противоречия, потому что привык идти навстречу опасности, а не убегать от нее. Во-вторых, по причине кризиса. Многие издания, с которыми он сотрудничал, закрылись, другие сбавили обороты, заодно урезав гонорары. За заказ, поступивший от солидного журнала, Быков схватился обеими руками. В США не нашлось желающих ехать в Китай, чтобы сделать репортаж о праздновании Нового года, поэтому редакции пришлось искать фотокорреспондента на стороне. Им оказался безотказный Быков.

В последний день Старой Луны магазины Гонконга ломились от товаров. Все здания были разукрашены и принаряжены. Город лихорадило. На каждом углу надрывались торговцы и зазывалы кафе. Публика металась от магазина к магазину, выскакивая оттуда с очумелым и счастливым видом. Кто тащил набитый шмотками пакет, кто прижимал к сердцу волшебный амулет или баночку с целебным бальзамом, кто примерял дешёвые штампованные часы «под золото», а кто бережно нес под мышкой «яблочный» ноутбук последней модели. Всем было хорошо — и продавцам, и покупателям.

Посетители ресторанов и ресторанчиков обжирались, как в последний раз. Туристы, загипнотизированные карнавальная атмосферой, оставляли сумасшедшие чаевые и забывали проверять счета, оплачиваемые банковскими картами. Особый колорит этому бедламу придавали восточные декорации.

Делая снимки, Быков старался передать свое впечатление от увиденного. Ему хотелось показать то изумление, порой переходящее в потрясение, которое он испытывал от смешения эпох, красок, запахов, ощущения и эмоций. Когда же палец начал нажимать спуск автоматически, а глаз, что называется, «замылвился», утратив способность ловить удачные мгновения, пришлось остановиться, чтобы не надеть халтуры, за которую потом будет стыдно. Вот почему Быков забрел в храм бога обезьян. И вот как он познакомился с сестрами Маркес.

Даже если бы не их речь, он никогда бы не спутал их с испанками и вообще любыми иностранками. Было в их внешности и манере держаться нечто такое, что позволяло распознать в них своих. Долго еще предстояло всем им вариться и плавиться в котле западной культуры, чтобы окончательно утратить самобытность.

Быков не смог бы ответить, чем привлекли его девушки, но при виде их он сразу понял, что должен, ну просто обязан познакомиться с ними. Они пришлись ему по душе, и он не знал, какая из них нравится ему больше. Черненькая — с длинными стройными ногами и строгим взглядом? Или светленькая, на которой одежда так и лопается от распирающих форм?

Причем влечение было не только физическое. Быкову нравилось общаться с девушками. Они отличались не только привлекательной внешностью, но и умом, а также рядом признаков, по которым безошибочно узнаешь души родственные, близкие и симпатичные.

Когда все трое вышли на улицу и остановились поглазеть на рукотворного дракона, Быков лихорадочно придумывал повод, чтобы задержать новых подруг или чтобы они пригласили его сопровождать их. Ему совершенно не хотелось расставаться с ними. Он не подозревал, что судьба уже надежно связала их троих.

Была ли случайна их встреча? Кто знает. Одно можно сказать наверняка: это знакомство произошло не просто в чрезвычайной, а в экстремальной ситуации.

Потому что, пока они болтали, стоя у выхода из храма, события начали развиваться с поистине головокружительной быстротой.

Впоследствии, когда случившееся взялись описывать всевозможные средства массовой информации, они обычно начинали свои репортажи с того, что в этих местах последний раз подобное явление было зафиксировано более 15 лет назад, а именно в августе 2005 года. Упоминалось также, что за минувшие полвека в непосредственной близости от Гонконга наблюдалось около тридцати водяных смерчей, то есть примерно по два в год. Но впервые исполинский волчок пронесся прямо по острову, оставляя после себя руины и хаос.

Поскольку Быков с девушками находились на улице, среди городских зданий, они не видели приближения смерча, когда он двигался по поверхности бухты, вздымаясь на стометровую высоту. Очевидцы рассказывали, что хобот воронки был почти белого цвета, а ее верхняя, широкая, часть напрямую соединялась с сизой грозовой тучей и казалась ее продолжением. По ходу следования смерч подбрасывал и переворачивал маленькие суда и сметал пассажиров с палуб больших кораблей. Солнце, проглядывавшее сквозь облачный покров, подсвечивало водяной столб, придавая происходящему зловещий, но вместе с тем чарующий вид.

Подобно стальному хлысту, смерч прошелся по побережью, то лишь касаясь строений, то утягивая их в поднебесье, где они распадались на сотни обломков, осыпающихся на головы разбегающихся толп. Бешеный атмосферный вихрь действовал избирательно, щадя одних и убивая других. Были отделавшиеся легким испугом и лишившиеся мобильников или головных уборов, тогда как наряду с ними насчитывались десятки покалеченных и убитых.

Словно ища оправдания взбесившейся стихии, ученые выступили с многословными и путаными объяснениями того, как, допустим, внутри воронки воздух опускается, а снаружи поднимается, быстро вращаясь и создавая область сильно разреженного воздуха. Кого из пострадавших это могло утешить? И разве посторонние могли вообразить себе весь ужас трагедии оттого, что им сообщалась расчетная скорость смерча, его радиус, траектория движения и прочие подробности? Пожалуй, было бы достаточно просто сообщить, что энергия гонконгского смерча сопоставима с энергией небольшой атомной бомбы, подобной той, которую взорвали в Нью-Мексико в июле 1945 года, перед тем, как отправить бомбардировщики на Хиросиму и Нагасаки.

Мы же попытаемся взглянуть на катастрофу глазами Быкова и двух его подруг, стоящих на гонконгской Темпл-стрит, то есть на Храмовой улице, говоря по-нашему. Они увидели что-то вроде наклоненной свинцовой колонны, которая внезапно выросла за домом напротив, врезалась в него, сорвала крышу и подбросила к тучам. Зрелище было столь сногшибательное, что, вместо того, чтобы броситься наутек, люди застыли на местах. Да и куда было бежать, скажите на милость? Кто мог предугадать, куда двинется дальше хобот гигантского небесного пылесоса?

Быков, открыв рот, задрал голову к небу, где крутились и порхали куски черепицы, балки, оконные рамы и человеческие фигурки, похожие на вспугнутых ворон, летящих куда попало.

— Мамочки! — простонала Лидия, выдавая тем самым свое отнюдь не испанское происхождение.

Анна лишь безмолвно шевелила губами, не произнося ни звука. А может, это она кричала — не разобрать, потому что все звуки тонули в свисте и гуле, с которым смерч продолжал крушить здание. Такое впечатление, что он решает, куда направиться дальше. Воспользовавшись передышкой, парни, изображавшие дракона, побежали гуськом по улице, уже почти освободившейся от прохожих.

Поздно!

Оставив развалины в покое, смерч ринулся за ними. «Дракон» со всей своей «начинкой» задрал хвост, оторвался от земли и понесся по спирали, разваливаясь на лету.

Лидия пискнула комариком, когда прямо у ее ног рухнул на мостовую один из участников шоу. При падении он сильно ударился головой, и из его рта выплеснулась кровь. Лидия подпрыгнула на месте и побежала в противоположном от смерча направлении. Быков и Анна, не сговариваясь, бросились вдогонку.

Проклятый смерч как будто обладал сознанием, коварным и жестоким. Внезапно изменив направление, он полетел за ними. Беглецов обдало каскадом соленых морских брызг, носимых в воздухе.

Быков оглянулся и увидел, как сужающийся стержень ураганной юлы догоняет их, норовя всосать внутрь и выбросить где-нибудь подальше, изуродованных и растерзанных. Поймав Лидию за шкуру, он оглянулся, схватил за руку Анну и хотел уже было нырнуть в проулок, но не успел. Вихрь подхватил всех троих и закружил с такой бешеной скоростью, что вращение, собственно, и не воспринималось. Быков чувствовал себя так, словно находился внутри какого-то чудовищного агрегата, который, весь трясясь и содрогаясь, перемальывает в пыль тысячи прихваченных с земли предметов. Он подумал, что их ожидает точно такая же участь и вот-вот все трое упадутся на атомы, когда — совершенно неожиданно — темная ревущая мгла рассеялась и Быков с девушками кубарем покатился по земле.

— Живы? — спросил он, еще не понимая, к кому обращается.

Все кружилось перед глазами, весь мир шел колесом, так что остановить взгляд на чем-то одном было сложновато.

— Кажется, да, — пробормотала Анна, сидящая среди брусчатки, вывороченной из тротуара. — Если я не ошибаюсь.

Лидия хотела что-то добавить, но вместо этого ее стошнило.

Быков осмотрелся. Улица выглядела так, словно по ней прошла колонна танков, громя все на своем пути. Невозможно было даже определить, та ли это улица, на которой их подхватил смерч. От вывесок, кафе и храмов остались лишь груды развалин. Все было завалено грязью и мусором. Там и сям бились и подпрыгивали рыбы, принесенные сюда из моря.

Со всех сторон звучали sireны съезжающихся машин.

— Поехали, — предложил Быков.

— Куда? — спросила Лидия, вытирая рот ободранной рукой. Она была босая и без большей части одежды.

Быков отвел взгляд и ответил:

— В больницу. А дальше видно будет.

ГЛАВА 3

ПРОЕКТ

Антонио Маркес, он же Антон Марков — в далеком прошлом, встретил гостей в аэропорту Малаги. Поезда в Санлукар-де-Баррамеда не ходили, а для того, чтобы ехать рейсовым автобусом, пришлось бы ждать до утра. Можно было арендовать автомобиль, конечно, однако после долгого перелета никому из троих путешественников садиться за руль не хотелось. Маркес пошел им навстречу... Вернее, поехал.

— Дорога займет около четырех часов, — предупредил он дочерей, когда получил от них весь комплекс объятий и поцелуев.

При знакомстве с Быковым он ограничился рукопожатием, память о котором до сих пор сохранялась в неосторожно подставленной ладони. Рука у Маркеса была крепкая, взгляд — твердый, подбородок — волевой. Он производил впечатление человека сильного, жесткого и самоуверенного. И, по мнению Быкова, это был не тот случай, когда впечатление оказывается ошибочным.

— Садись впереди, Дмитрий, — распорядился (именно распорядился, а не предложил) Маркес. — Расскажешь по пути, как спас моих девочек.

— Я не спасал, Антонио, — возразил Быков. — Это было Провидение... Судьба... Не знаю.

— Он скромничает, папа, — заявила Лидия. — Все дело в том, что мы держались вместе. Втроем мы оказались слишком тяжелыми, чтобы поднять нас достаточно высоко.

— Вздор! — отрезала Анна. — Там крыши летали. Хотя... — она дернула плечами и признала: — Поодиночке мы могли пострадать куда сильнее. Кто-нибудь мог даже погибнуть.

— Я тоже так считаю, — согласился Маркес, включая зажигание. — Есть только одно возражение.

— Какое? — удивились дочери.

— Перекладывать ответственность на провидение и судьбу некорректно. Дмитрий обезличивает Господа Бога. То есть сам он, видите ли, личность, а Бог у него — то ли провидение, то ли судьба, не поймешь какого рода.

Челюсть у Быкова отвисла. Ему давно не приходилось видеть людей по-настоящему набожных, это стало как-то несовременно. Одно дело порассуждать о перерождении и бессмертии души и совсем другое дело — признавать существование не просто высшей силы, а кого-то вполне реального, одушевленного, способного управлять человечеством и его отдельными представителями.

— Вы... э-э, верите в... э-э, Бога? — спросил Быков, пристегиваясь.

— Зачем мне верить, — отвечивал Маркес. — Я знаю.

— Откуда?

— Когда-нибудь поговорим. При более подходящих обстоятельствах.

С этими словами Маркес тронул машину с места, и они поехали по ночной дороге, пересекающей Андалусию, чтобы привести на побережье Атлантического океана. Дочери болтали то друг с другом, то с отцом. Он вел машину, глядя прямо перед собой и изредка играя желваками, что получалось у него непроизвольно, а не по причине раздражения. Поболтав с дочерьми, он обратился к Быкову, не поворачиваясь к нему:

— Городок наш не выдающийся, но посмотреть есть на что. Памятники старины, неплохой парк, отменный херес. Одним словом, не заскучаешь.

— Я бы хотел посмотреть верфь, — сказал Быков. Подумал и добавил: — Не возражаешь?

Разница в возрасте составляла лет пятнадцать, но Быков не выносил ситуаций, в которых ему «тыкали», тогда как он был вынужден обращаться к собеседнику на «вы».

Маркес невозмутимо принял предложенные правила игры.

— Не возражаю, — сказал он. — Моя верфь — уникальная. И корабль на ней построен уникальный. Мы на нем вокруг света поплывем. Я и мои принцессы.

Девушки на заднем сиденье захихикали.

— Твои дочери мне рассказывали, — понимающе кивнул Быков. — По следам Фернана Магеллана. И что, за год действительно уложите? Магеллан вроде бы около трех лет плавал. Легендарная история. Правда, кончил он плохо, если не ошибаюсь...

— Не ошибаешься, — подтвердил Маркес, выводя машину на скоростную трассу и начиная ее разгонять. — Он погиб во время столкновения с туземцами на Филиппинских островах... Что тебе еще эти болтушки успели выложить?

— Мы не болтушки, папа! — обиженно воскликнула Лидия.

— Лучше бы спасибо сказал, — проворчала Анна. — Мы тебе ценного фотографа нашли.

— Я пока что ни на что не соглашался, — быстро сказал Быков.

— А я ничего не предлагал, — парировал Маркес. — Место в моей экспедиции еще заслужить надо. Поплывет всего сотня человек, а желающих в разы больше. Еще бы! Это будет сенсация. Мы пройдем более сорока тысяч морских миль маршрутом Магеллана, через девятнадцать стран Европы, Африки, Азии и Америки. Будут стоянки в двадцати двух портах, и в каждом от репортеров отбоя не будет, смею заверить.

— На борту будет особо ценный груз, как пятьсот лет назад, — дала справку Лидия, просунув голову между спинками передних сидений. — Бочки с портвейном из Каркавелуша.

— Открывать по пути будете? — полюбопытствовал Быков. Маркес бросил на него косой взгляд:

— Любишь выпить?

— Просто так спросил.

Быков состроил равнодушную мину. Ему вовсе не хотелось выглянуть в глазах Маркеса выпивохой. По правде говоря, он приехал в Испанию только потому, что надеялся попасть в экспедицию. Холодный прием его неприятно удивил и больно

царапнул самолюбие. В своем деле он был признанным профессионалом высочайшего класса, и ему было обидно, что начальник экспедиции не спешит внести его в списки.

— Отвечаю, — сказал Маркес, вернувший взгляд на дорогу. — Бочки должны будут возвращены винодельне в целости и сохранности. Я вложил в предприятие весь свободный капитал, но этого мало. Пришлось привлекать толпу спонсоров и желающих попиариться. — Он опять покосился на Быкова и неожиданно признался: — Для меня это дело всей жизни. У меня много проектов, но сперва необходимо раскрутить себя и свою верфь. Если плавание по маршруту Магеллана пройдет успешно, то через год я начну строительство легендарного «Наутилуса».

— Так ведь Жюль Верн его выдумал! — воскликнул потрясенный услышанным Быков.

— Почти все, что он выдумал, теперь стало обыденностью, — спокойно ответил Маркес. — От полетов на Луну до аквалангов, биологического оружия и видеосвязи. Почему бы не прибавить к достижениям знаменитую подводную лодку?

— А «Титаник»? — спросила с заднего сиденья Анна.

— Это из другой оперы, — перебила Лидия.

— С «Титаником» придется повременить. — Сделав это признание, Маркес не удержался от вздоха. — Чтобы создать копию «Титаника», потребуется полмиллиарда долларов и много лет трудов. Это ведь был самый большой и комфортабельный океанский лайнер своего времени. Придется соответствовать, потому что халтура никого не вдохновит. Зато представьте себе, сколько людей захотят повторить легендарное путешествие из Саутгемптона в Нью-Йорк!

— Лишь бы айсберг на пути опять не повстречался, — буркнул Быков, все еще уязвленный тем, что его недооценили.

— Теперь в этих водах айсберги не плавают, — отрезала Лидия. — Глобальное потепление на дворе.

Маркес, увлеченный своим рассказом, пропустил их реплики мимо ушей.

— Я намерен не просто сделать копию «Титаника», а полностью реконструировать его по сохранившимся чертежам, —

продолжал он, рассеянно глядя на дорогу. — Это будет дань уважения великой эпохе открытий и свершений. Я собрал всю документацию, выкупив ее у «Ллойдз Реджистр». Продумал, кому поручу технические вопросы, кому — дизайн и так далее. После премьеры мой «Титаник» будет путешествовать по всему миру как обычный круизный лайнер. Получится великолепный аттракцион. Это будет нечто вроде путешествия во времени. Как, впрочем, и мой нынешний проект. Я на мелочи не размениваюсь.

Маркес горделиво усмехнулся.

— Дима плотно сотрудничает с «Нэшнл Джеографик», — вставила Лидия.

— И с другими американскими журналами, — добавила Анна. — Если бы они взялись освещать твоё путешествие, папа...

— В самом деле? — приятно удивился Маркес. — Было бы замечательно.

— Сейчас говорить об этом преждевременно, — заявил Быков не без злорадства. — У меня много заказов и дел. Счастье еще, что смерч не сорвал с меня фотоаппарат. Иначе пришлось бы возвращаться в Гонконг и делать новые снимки.

— Я туда ни за какие коврижки не вернусь! — выпалила Лидия. — Ни за китайские, ни за американские.

— Некогда возвращаться, — напомнил Маркес. — Скоро выходим в океан. А там я вам парочку незабываемых ураганов гарантирую.

Услышав это, Быков почувствовал жесточайший укол зависти. Но он решил пока что не поднимать тему своего участия в экспедиции. Ему хотелось, чтобы этот заносчивый сеньор Антонио Маркес сам попросил его присоединиться.

ГЛАВА 4

МАГЕЛЛАН

Вряд ли найдешь в истории другое кругосветное путешествие, столь же знаменитое, как то, что проделал в начале XVI века Фернан Магеллан. Интриги, оговоры, буря страстей, предательства и убийства, распри, болезни, голод, жажда, чего только там не было... А наряду с этим — открытия новых мореходных путей и неизвестных земель, удивительные встречи, подвиги, великие свершения...

О, сколько же всего там намешано!

Магеллан не возник из ниоткуда, его появление было не случайным, а востребованным.

7 июня 1494 года произошло, пожалуй, важнейшее событие во всей истории Великих географических открытий. Согласно договору, заключенному между двумя тогдашними морскими сверхдержавами — Испанией и Португалией, — в кастильском городке Тордесильяс наша Земля была поделена на два полушария. Все, что к западу от условного меридиана (нынешний 49-й, если мерить по Гринвичу), отходило королям Кастилии и Арагона, восточную же часть забирала себе Португалия. Так они договорились. Таким было влияние этих двух стран, и так видели они наш мир после известных открытий Колумба на западе и Васко да Гама на востоке. Произошло то, что нынче называется разделом сфер влияния.

Оставалось, правда, невыясненным, насколько простираются потенциальные владения обоих метрополий. Где край земли,

на западе или на востоке? И есть ли он вообще? Большинство просвещенных людей той эпохи уже сходились во мнении о шарообразности Земли, однако их утверждения пока что оставались умозрительными и безосновательными... До тех пор, пока не вышел на сцену истории персонаж, которому было предназначено совершить переворот в мировой географической науке.

Магеллан!

На своем самом достоверном портрете, выставленном в галерее Уффици во Флоренции, он похож не на знаменитого мореплавателя, а на безродного крестьянина с простецким и грубым лицом, столь же обычным, сколько незапоминающимся. Что ж, его род, хотя и являлся дворянским, относился к самому нижнему, четвертому разряду, так что невзрачная внешность была не удивительна.

Когда именно родился наш герой, установить точно теперь невозможно. Ученые сошлись во мнении, что где-нибудь около 1480 года, а местом рождения вдохновителя первого кругосветного путешествия принято считать захолустный городишко Сабуроца на дальнем пограничье португальской провинции Траз-уж-Монтиш. Глава семейства был там большой шишкой, являясь алькальдом, то есть градоначальником, хотя прожил недолго. Уже в десятилетнем возрасте Эрнандо Магеллан (на родине его знали как Фернана де Магальяйнша) осиротел и каким-то чудом перенесся из своего городка напрямик ко двору королевы Элеоноры, жены Жуана II. Там, в Лиссабоне, Магеллан получил отличное образование, достигнув особых успехов в астрономии и навигации. Предполагают даже, что среди его учителей был величайший картограф того времени, изготовитель знаменитого глобуса Мартин Бехайм.

Как ни крути, а Португалия была морской державой, и карьера дворянина редко обходилась без службы во флоте. Примерно в двадцатилетнем возрасте наш Фернан ступил на борт корабля и провел в плаваниях немалую часть своей молодости. Побывал он и конкистадором, сражаясь за побережье Восточной Африки, служил в Индии, грабил храмы, возил пряности, ценившиеся тогда на вес золота, и так однажды заплыл с флотилией на восток от Цейлона.

Султан Малакки радушно встретил чужеземных мореплавателей, принял от них пустяковые дары и взамен обещал прислать на корабли самые лучшие пряности в полном ассортименте. По его словам, их было так много, что капитану корабля следовало послать на берег сразу все шлюпки, чтобы забрать товары.

В разгар погрузки один из капитанов заметил, что около кораблей крутится чересчур много малайских джонок, и на всякий случай послал единственную оставшуюся на борту лодку предупредить адмирала. В ней находился Фернан Магеллан, который и доложил о подозрениях своего капитана. Встревоженный адмирал тут же приказал обыскать свое судно. Матросы нашли несколько десятков вооруженных туземцев, перебили их, тела выбросили за борт, а по джонкам выпалили из всех пушек, разметав их ядрами. Сообразив, что их коварный план провалился, островитяне напали на португальцев, находившихся на суше. Их бы всех уничтожили, если бы не мужество Магеллана. На своей шлюпке он вывез с острова нескольких офицеров, среди которых находился его лучший друг, Франциско Серран.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что этот друг был также единственным. По утверждению летописца Антонио Пигафетта, матросы просто ненавидели Магеллана. «Он не имел обыкновения улыбаться, расточать любезности, угождать, не умел искусно защищать свои мнения и взгляды...» Зато он умел внушить уважение и даже страх подчиненным, что делало его идеальным командиром. Наряду с этим он был честным, порядочным и достаточно бескорыстным человеком. Это очень выделяло его в толпе придворной португальской знати.

Славился Магеллан также своим упрямством и открытым нежеланием угождать сильным мира сего. Когда в 1510 году, уже будучи капитаном, он получил наконец корабль под свое командование, то первое, что сделал, это без высокого дозволения заплыл на восток дальше, чем предписывалось. «Выскачку» немедленно разжаловали и отправили обратно в Лиссабон.

Сухопутная служба не задалась. Усмиряя мавров в Марокко, дон Фернан Магеллан был ранен пикой в колено и рухнул без сознания на поле боя, в результате чего не только остался хромым на всю жизнь, но и был заподозрен в связях с врагом. Возмущенный Магеллан без разрешения покинул армию и отправился жаловаться прямо королю, а следом полетел очередной донос с обвинением в дезертирстве.

Наветы достигли столицы раньше. Мануэл Первый поверил им, а не Магеллану, и даже спрятал за спину руку, оберегая ее от «иудиного» поцелуя. Оскорбленный дворянин холодно осведомился, может ли он в таком случае поступить на службу к другому государю, и получил презрительное разрешение прислуживать «хоть самому дьяволу». Таким образом Магеллан покинул родину и перешел под испанские знамена.

Осенью 1517 года Магеллан вместе с рабом Энрике, вывезенным из Малакки, обосновался в Севилье, откуда отправлялись почти все экспедиции для исследований и завоеваний Нового Света. Кроме того, в этом городе имелась значительная португальская диаспора, состоявшая преимущественно из таких же изгнанников, не достигших успеха при лиссабонском дворе. Один из перебежчиков по имени Дьогу Барбоза дослужился в Португалии до высокого поста начальника городского арсенала. Магеллан не только нашел у него приют, но и сдружился с его сыном Дуарте, с которым имел много общего, поскольку молодой человек тоже успел поплавать в Индийском океане и пережить там множество опасных приключений.

Обзаведясь таким образом связями, Магеллан объявил, что намерен найти проход в Американском континенте и проложить путь дальше на запад. Для того чтобы отправиться в кругосветное плавание, ему были необходимы богатые покровители, которых сегодня назвали бы спонсорами. Магеллан обивал пороги потенциальных благодетелей вместе с внушительным глобусом под мышкой, тем самым, который был создан самим Бехаймом в 1492 году и на котором был обозначен путь будущей экспедиции.

Откуда же у него была уверенность в том, что там, на юге Америки, куда еще не доходили европейские корабли, имеется

судоходный пролив? Так свидетельствовал чертеж на глобусе, который впоследствии оказался ошибочным. Однако Магеллан проявлял такую настойчивость и несгибаемую веру в свою правоту, что ему удалось убедить нескольких влиятельных придворных передать новому королю Карлу I написанную им «Памятку», где ясно утверждалось, что «земли пряностей» находятся не только под владычеством Португалии, но и в испанских владениях тоже.

На членов Государственного совета, рассматривавших Магелланов план «плыть на Запад, чтобы добраться до Востока», тот произвел благоприятное впечатление. В этом помогла демонстрация ученым мужам «настоящего малайца». В результате очень скоро Магеллан получил поддержку в самых разных кругах, а потом и сам король согласился с необходимостью плавания. Уж очень ему хотелось утереть нос конкуренту...

Быков закрыл крышку ноутбука и вышел на террасу. В бассейне сосредоточенно плавали сестры Маркес, относившиеся к своему занятию как к ответственной работе, а не развлечению. В этот жаркий день подмывало присоединиться к ним, чтобы проплыть километр-другой, а заодно пообщаться с девушками. Но Быков не знал, как отнесется к этому сеньор Маркес. Будучи гостем, он не хотел действовать на нервы хозяину. Такое поведение было не в его правилах.

Он уже собирался вернуться в комнату, когда Лидия коснулась края бассейна, подняла взгляд и заметила его.

— Дима! — крикнула она. — Спускайся. Надо поговорить.

Сердце Быкова забилося быстрее. А вдруг Маркес надумал взять его в экспедицию и решил передать предложение через дочерей?

— Иду, — кивнул он и, стараясь сохранить неспешное достоинство, стал спускаться во двор.

ГЛАВА 5

ХАМОН

Ресторан назывался «*Museo del Jamon*». Быков, имевший довольно слабые познания в испанском языке, сумел перевести только первое слово и спросил:

— Музей чего?

— Ветчины, — ответила Лидия.

— «Музей ветчины», — уточнила Анна.

Они вошли в помещение, увешанное свинными окороками, источающими сногшибательный аромат. Быков в изумлении оглянулся.

Получив предложение пообедать с девушками, он поначалу огорчился, потому что надеялся на деловое предложение, а не на бесцельное времяпровождение. Однако очарование сестер было слишком велико, чтобы противостоять ему, подобно монаху, преодолевающему бесовское искушение. Быков спросил только, не будет ли против сеньор Маркес, и услышал в ответ, что сеньору Маркесу не позволяется лезть в личную жизнь дочерей. Одним словом, он согласился выехать с виллы в город и не пожалел об этом.

«Музей ветчины» оказался потрясающим заведением.

— Такие есть по всей стране, — пояснила Анна, усаживаясь за стол. — В каждом городе и даже небольшом селении.

— Все, что ты видишь здесь, Дима, можно попробовать, — сообщила Лидия. — Не только сам хамон, но и множество блюд из него. Выбери, что душе угодно.

— Даже не представляю, как это делать, — признался Быков, переводя взгляд с окорока на окорок.

— Все просто, — успокоила его Анна. — Существует всего два вида хамона: «иберико» и «серрано».

— Почему хамон, если мы в музее ветчины?

— У нас любую ветчину, даже вареную и в пластиковой оболочке, принято называть хамоном. Им испанцы начинают и заканчивают день.

— А чем отличаются «иберико» от «серрано»?

Пока Лидия делала обстоятельный заказ подошедшему официанту, Анна продолжала приобщать Быкова к кулинарной культуре Испании.

Он узнал, что объем производства хамона делится на две сильно неравные части. Около 90 процентов составляет «серрано» — продукт для ежедневного употребления. Его испанцы отправляют на экспорт, полагая, что иностранцам не дано разбираться в сортах хамона. Для себя же они приберегают куда более дорогой сорт, «иберико», который тщательно выбирают для украшения праздничного стола.

— Сам король начинает день с тарелки такого хамона, — похвасталась Лидия. — Среди видов «иберико» попадаются настоящие шедевры.

— Национальные сокровища, — подмигнула Анна, отпустившая официанта. — Например, «*Pata negra*».

— Пята негра? — перевел Быков.

— Нет. Просто «Черная нога». Хамон с таким названием делают из мяса свиней уникальной иберийской породы. Они отличаются от обычных хрюшек внешне и живут в поистине королевских условиях.

Тут сестры затарактели одновременно, перебивая друг друга. Приходилось рисовать себе полную картину из обрывков фраз, долетающих то с одной стороны, то с другой.

Быков узнал, что в технологии приготовления «иберико» и «серрано» разницы почти не существует. Все дело в свиньях. И в составе их корма. Для производства хамона «иберико» используются исключительно свиньи черной иберийской породы, являющиеся потомками диких сви-

ней, которые в древние времена обитали на Пиренейском полуострове.

По законам Испании в свиньях, выращиваемых для производства «черного» хамона, должно быть не менее трех четвертей благородной иберийской крови. Поэтому к их разведению подходят крайне серьезно. На ушах у них сережки со сведениями о родителях, а в пяточке — кольцо, чтобы не стирался, когда свиньи роют землю носами.

— Их пускают пастись под испанские дубы, — пояснила Анна. — Есть специальные рощи, высаженные для прокорма иберийских свинок. Их задние ноги ценятся особо. Дороже хамона не бывает. Он называется «ибериико бейота».

— Мы его сегодня попробуем? — оживился Быков, все чаще глотавший голодную слюну.

— Разумеется, — успокоила его Лидия. — Именно его мы заказали.

— Ни в коем случае, — отрезала Анна.

Подали гороховый суп, сваренный на косточке окорока, потом своеобразные блинчики из ломтиков хамона, начинкой для которых служили куски тунца, грибы и даже инжир, смешанный с изюмом. Заедали все это сладчайшими помидорами, а запивали сухим хересом. Сначала девушки пытались развлекать Быкова рецептами засолки свиных ног и их высушивания в различных подвалах, но он не проявил большого интереса, и разговор постепенно свелся к предстоящему путешествию.

— Завтра мы уезжаем на верфь, — призналась Лидия. — Точная дата отплытия пока не названа, но это может произойти со дня на день.

— Ждем курсантов морского училища, — добавила Анна. — Из них будет состоять большая часть команды. Мы ведь пойдем под настоящими парусами. Понадобится много матросов, чтобы управляться со снастями.

Быков слушал ее вполуха.

— А я? — спросил он.

— Не знаем, — пожалала плечами Лидия. — Отец пока что ничего не говорил.

— И не скажет, — мрачно заключил Быков.

— Скажет, — заверила его Анна. — Что-нибудь.

— Нет, — возразил он. — И знаете почему? У него не будет такой возможности. И необходимости. Я уезжаю. — Он раздраженно бросил на стол скомканную салфетку. — Давно пора. Не понимаю, зачем я вообще сюда приперся.

— У отца сложный характер, — сказала Лидия.

— У меня тоже, — заявил Быков. — Где официант? Пусть подадут счет. Хватит с меня вашего черного хамона, или какой он там у вас? Надоело! Хорошего понемножку.

— Не горячись, — попросила Анна.

— А я буду горячиться!

— Отец занят, — сказала Лидия. — У него много дел перед отплытием.

— А я, значит, бью баклуши, так получается? Мне время девать некуда. Могу сколько угодно торчать в этом захолустье в ожидании того счастливого момента, когда сеньор Маркес соизволит уделить мне минуту или две. Только он не Магеллан и даже не Колумб. А я ему не малазийский невольник.

Девушки принялись наперебой утешать расхорившегося Быкова. Была подана еще одна бутылка хереса, только на этот раз не сухого, а вполне крепкого, солоноватого. Быков выпил ее практически один, потому что подружки за ним попросту не попевали. После этого ему приспичило попробовать не чего-нибудь, а именно портвейна.

Проснувшись утром и морщась, он долго лежал и вспоминал, как настаивал на том, что, находясь в Испании, нужно непременно пить портвейн. Напрасно девушки разубеждали его, говоря, что портвейн это, вне всякого сомнения, португальский напиток. Быкова, что называется, занесло. Не получив желаемого, он сделался заносчивым и обидчивым. Спровадил Лидию с Анной домой, сказав, что хочет погулять один, а потом доберется сам, но, вместо того чтобы гулять, проторчал часа два в каком-то баре, пялясь в телеэкран, подвешенный над стойкой. С кем-то общался и даже чокался, но с кем именно? О чем? Что и за чей счет пил? По прошествии ночи это пре-

Літературно-художнє видання

ШТОРМ Михайло
Нащадки Магеллана

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художній редактор *В. О. Трубчанинов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 02.11.2020. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 12,6. Наклад 5500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

ШТОРМ Михаил
Потомки Магеллана

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 02.11.2020. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 12,6. Тираж 5500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Фотограф Биков із командою авантюристів-мандрівників укотре наважеться на щось безумне. Вони вирушили в навколосвітнє плавання на реставрованому іспанському кораблі, щоб пройти той самий шлях, який подолав мореплавець Магеллан. Під час шторму в Індійському океані їх винесло на забутий Богом острів у Бенгальській затоці. Побувають чутки, що тут уже багато тисяч років живе плем'я відлюдників. Аборигени ворожі і ладні вбити кожного чужинця, який посміє ступити на острів. У Бикова і команди погані перспективи... Але, навіть якщо їм вдасться вижити, острів не відпустить тих, хто посмів торкнутися його давньої та моторошної таємниці.

Шторм М.

Ш92 Потомки Магеллана : роман / Михаїл Шторм. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 240 с.

ISBN 978-617-12-8332-9

Фотограф Быков с командой авантюристов-путешественников в который раз решается на нечто безумное. Они отправились в кругосветное плавание на реставрированном испанском корабле, чтобы пройти тот самый путь, который преодолел мореплаватель Магеллан. Во время шторма в Индийском океане их вынесло на забытый Богом остров в Бенгальском заливе. Ходят слухи, что здесь уже много тысяч лет живет племя отшельников. Аборигены враждебны и готовы убить каждого чужака, посмевшего ступить на остров. У Быкова и команды плохие перспективы... Но, даже если им удастся выжить, остров не отпустит тех, кто посмел прикоснуться к его древней и пугающей тайне.

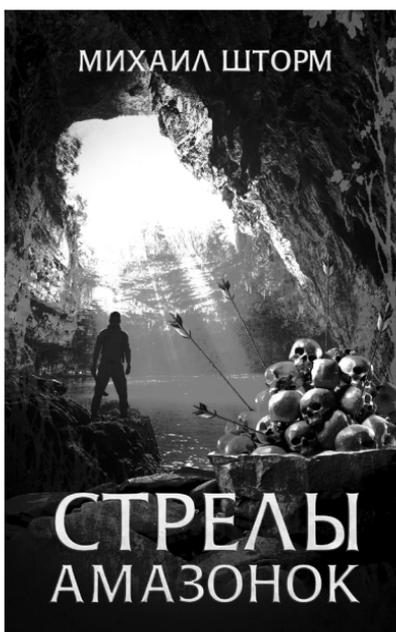
УДК 821.161.1(477)

Фотограф Быков и его друг Алекс Брин отправляются в путешествие на Северный полюс. Полярные медведи и бури, ледяные ловушки, арктические морозы и голод — не перечислить все испытания и опасности, которые предстоит преодолеть команде из шести человек. Отважные путешественники обретают своего ангела-хранителя в лице дочери эскимосского шамана. Спасаясь от шторма, мужчины попадают на секретную немецкую базу подводных лодок, чудом сохранившуюся со времен Второй мировой войны. Но и там рок насылает на них то доисторическое чудовище, то подземное извержение, то озверевшего безумца... Кому из них суждено погибнуть, а кто найдет выход?

В районе мыса Доброй Надежды орудуют современные пираты. Их судно появляется ниоткуда, как призрак, захватывая лайнеры и яхты миллионов. Атаке предшествует появление «Летучего голландца». Но ведь это не более чем древняя легенда?.. Фотограф Быков и его друг Алекс Брин в компании с тележурналистами прибывают в район мыса Доброй Надежды, чтобы заснять корабль-призрак и разгадать тайну его происхождения. Вот только для пиратов Быков и его команда — как кость в горле. Они начинают охоту на путешественников. И «Летучий голландец» уже мчит следом...

Фотограф Дмитрий Быков готовится к новому опасному путешествию. Он собрал экспедицию отчаянных сорвиголов, чтобы совершить спуск по самой длинной подземной реке мира. Рискованная затея оборачивается неожиданным открытием. Быков и команда обнаруживают в подземелье потомков знаменитых амазонок. Последние представительницы этой жестокой древней цивилизации явно не хотели, чтобы о них узнали. Но это еще полбеды: Быков спасает одну из амазонок, которую должны были принести в жертву. Теперь фотографу, его друзьям и спасенной воительнице предстоит любой ценой дать отпор безжалостным и безупречным амазонкам. Их гнев беспощаден, а стрелы всегда достигают цели.

Авантюрист и искатель приключений Дмитрий Быков отправляется в рискованную экспедицию на поиски клада по приглашению своих новых знакомых — Майкла Чернова и его девушки Джейн. Майкл рассказывает легенду, что во времена правления гетмана Сагайдачного одна из казацких чаек, нагруженная алмазами, достигла берегов Америки, где и были спрятаны драгоценности, которые по сей день не найдены. Чернов владеет старинной картой, на которой отмечено точное местоположение алмазов. Компания для поисков клада подбирается весьма сомнительная. Однако Быков, влюбившийся в красотку Джейн, соглашается принять участие в этой аванюре. С трудом добравшись до места назначения, участники экспедиции наконец сбрасывают маски. Кому же достанутся алмазы казаков? Да и существует ли этот клад на самом деле?

